

ЗВЕЗДА СЕВЕРА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН СЕВЕРНОГО ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

№ 3
МАРТ

СЕВЕРНОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

АРХАНГЕЛЬСК

1 9 3 3

ЗАВОДНАЯ РУЧКА

АЛЕКСАНДР ЯШИН

Рассказ

1

Позевывая и покашливая, больной дедушка Михайло крестил рот. Внучка Рая дернула бабушку за подол и спросила:

— Бабушка, правда, что рот не перекрестить, так он не закроется?

— Я же тебе говорила... Подотри под носом, бесстыдница!

Бабушка выставила из печки чугуны с горячей водой, положила ухват, вытерла руки о грязный передник и принялась рассказывать старую историю, глубоко засевавшую у ней в памяти:

— Покойничек Митрофан, родной братенник моего дедушки— дай им бог обоим царства небесного,—поспорил с Алешкой Максимовым (озорной такой парень был). Не закрыть, говорит, рта, если не перекрестишь... Любил на худые дела человека натолкнуть— чтоб ему за это!.. Ну, так вот... Митрофан—он посмеялся, посмеялся, а потом спозевал, да так...

Около беззубого рта у бабушки много-много морщин, расходящихся они по всему худощавому лицу неприятной рябью. Глубоко под седыми нависшими бровями укрылись выцветшие водянистые глазки. Двумя пальцами бабушка заправляет под темный платок паучьими тенетами разметавшиеся по лицу седые волосы и певуче говорит. Говорит о покойничке Митрофане с открытым ртом, об озорном богохульнике Алешке Максимове...

Все это Рая слыхала уже не раз и заранее знает, в каком месте рассказа бабушка испуганно охнет, в каком улыбнется, в каком перекрестится.

Скучно... Дедушка все время лежит и кашляет. А за окном под тесовым навесом, около трактора, копошится ее отец. Вот он с силой крутнул несколько раз заводную ручку, и трактор зафырчал. Видела Рая, как отец взобрался на сиденье, крепко стиснул рулевое колесо, трактор дрогнул и загромыхал, направляясь в открытые ворота, к яровому полю. На минутку оторвала она лучистый взгляд от окна, повернулась к бабушке:

— Татка пряником в поле поехал. Чуешь, бабушка, как фырчит его железная конька?

И опять глазенками в окно, не ожидая, что скажет бабушка. А трактор уже остановился, фырчал, не работал.

Отец быстро соскочил с сиденья, склонился у переднего колеса, с тревожной поспешностью откинул боковину капота...

Осмотр мотора, повидимому, успокоил его. И он, не спеша, взял заводную ручку, вставил ее в отверстие замка, туго нажал,

повернул, и вдруг — вытащил ключ, глянул на него, бросил на землю, плюнул и, по всему виду, крепко выругался.

Рая соскочила с подоконника и полетела к отцу. Вдогонку ей дедушка глухо выкашлял несколько слов, но она не слушала.

2

Дедушке Михаилу Фаддеевичу исполнилось семьдесят два года. Когда-то коренастый, мускулистый, он теперь согнулся, ослаб и высох.

— Прожить семьдесят два — это вам не на счетах косточками отбрыкать, — недовольно говорил он всем соблезновавшим его слабости. — Семь десятков... Только подумаешь... Сколько дорог исхожено... О-о-ой! А кузница-то? Одних молотков сколько я исколотил... Господи-и... Только подумаешь...

И Михаил Фаддеич широко и убедительно крестился.

— Шестнадцати годиков отдали меня к помещику Шнейдеру в кузницу молотобойцем. Чего я только не вытерпел, господи-и... Силы-то еще не было, а тебе одно кричат: „бей! Да и только“. Ну, и бил я. Стонал, а бил... Вынут, бывало, из горна раскаленный брус, положат его на наковальне: „хлещи!“ Как же его хлестать, когда и так железо шипит да огнем плюется?.. Мал еще был — боялся. Колонешь молотом да и отбегаешь, а искры осыплют тебя с головы до ног, колют иголками... Рубашка горит, лицо от жары трескается... А тут еще сзади подзатыльники получаешь: „Хлещи пуще! Не робей!“.

Михаил Фаддеич стонал от удушливого кашля. Тяжелые приступы хрипа застывали в горле и не давали говорить. Маленькое изможденное тело подергивалось, и широкая кровать чуть-чуть скрипела. Иногда он опускался с кровати костлявые в белых подштанниках ноги и, наклоняясь, плевал в большую деревянную чашку с сосновыми опилками.

Струя свежего воздуха поплыла по избе, когда Рая закрыла за собою тяжелую дверь. Дедушка подобрал ноги, поднял их на кровать и, крикнув от боли, надернул одеяло.

Бабушка подошла к нему, постояла, поглядела и тяжело вздохнула.

— Не хуже ли стало?

— Нет... А что?

— Так.

— Матка, вода-то есть?..

Бабушка принесла и поставила стакан воды на стул рядом с плевательницей и осторожно опустилась на кровать.

— Васька-то наш вчера в один день запахал всю низину к реке. Сегодня в среднее поле поедет.

Дедушка с тихим раздумьем поправил рукой широкую подушку, приподнялся немного, расправил всклокоченную бороду, посмотрел на хомут — тут же возле него на стене — погладил шероховатую, но влажную, от дегтя кожу и спросил:

— На конях пашут?

— Вчера и на конях пахали, да недолго. Васька говорит: один все взрою. Вечером он привернул к Никите на огород да и давай чернозем заворачивать. Народ сбежался, смотрит...

Бабушка задумалась, потом тихо добавила:

— Я два ведра у колодца оставила... Четыре борозды сразу ведет...

— А где он теперь? На поле?

Бабушка оживилась и радостно заговорила:

— Вот он, здесь! В поле, поди, отъезжать собирается. Да ты иди, погляди сам-то!... Иди, я помогу!

Дедушка не скрывал своего желания глянуть на машину. Тяжело крикнув, он попробовал было встать на ноги один, но не смог. Он оперся на костлявое плечо своей старухи и вместе с нею заковылял к окну.

Неподвижный трактор сначала показался ему маленьким невзрачным, потом глаза все больше впивались в сына, в машину и уже светились улыбкой и мягкой отеческой добротой.

— Эх, матка, матка!.. — проговорил он со вздохом. И в его голосе были и восторг и горечь.

То ли от прилива гордости за своего сына-тракториста, то ли от одобрения новой колхозной машине дедушка подумал: „Авось, что-нибудь из этой коммуны и выйдет“. В первый раз почувствовал тихую радость. В первый раз, словно после грозы в знойный полдень, он вздохнул и с облегчением перекрестился.

— Дай бог, матка, дай бог...

Бабушка молчала. Перед ней всплыл памятный осенний вечер. Крупный дождь хлестал в стекла окон непрерывно и надоедливо. Вторые рамы в окна были еще не вставлены, и мелкие водяные брызги, просачиваясь сквозь разбитые стекла, рассыпались по подоконникам. Постепенно скопляясь, они ручейками сбегали на пол. Бабушка то и дело брала тряпку и вытирала лужи. А на широкой деревенской улице свистел пронизывающий ветер. Он дребезжал оконными стеклами, выл в трубе, проникал в комнату. В такие-то вечера, когда некуда было деваться, деревенская молодежь и просиживала в грязной прокуренной избе Ванюхи Никитина. Соберутся у приветливого хозяина закрутят здоровенные, в заячью ногу, цыгарки и сидят, раздумывают, окружая себя замысловатыми кольцами дыма. Отдыхают, разговорами душу отводят, спорят, вспоминают, обсуждают дела крестьянские. Здесь же появлялся как-то и агроном, и какой-то от партии человек из города. Здесь же кому-нибудь приходило на ум о коммуне заговорить, о многопольи, о широколопосице. И все это подвергалось обсасыванию, обкуриванию. Выкладывались на стол сокровенные замыслы, плоды долгих и тяжелых дум.

Эти частые сходы стал посещать и Василий. Дома он, было, оденется и просто скажет:

— Пойду к десятскому. С обедом подождите.

Что они там делали, бабушка не знала. Да и не думала об этом. Но однажды с ней заговорила сноха о „сатанинских помыслах“ Василия, и бабушка забеспокоилась.

— Ты, милая, говори, о чем они судачат-то?

— Про колхоз, матушка... Все про колхоз, да про колхоз...

И вдруг в памятный осенний вечер Василий, вернувшись с собрания, заговорил всерьез о колхозе, не как-нибудь, не бочком, как это он иногда заговаривал, а прямо и строго выпалил: „В колхоз, отец, ухажу“. Бабушка так и ожидала: вот поднимется старик с кровати и в ответ на слова сына начнет хрипло кричать и кашлять, кашлять и кричать.

Но было не так.

Василий мокрым рукавом смел крошки хлеба со стола, провел холодным пальцем под носом у Раи и тихо спросил:

— Ну, как ты на это, отец?

Старый кузнец ответил еще более тихо и тоже вопросом:

— А скот кому?.. А дом, а двор чьи будут?..

Потом он, словно забыв обо всем, стал рассказывать, как на военной службе долго учился кузнечному делу. Люди гибли в окопах, а его берегли, держали в тылу, в обозе, в кузнице. Называли по имени и отчеству.

В деревне он был единственным, кто умел хорошо подковать лошадь, исправить поломавшуюся металлическую часть плуга, веялки, или изладить косу.

Сейчас он стар. Жить осталось немного, ковать уже невмоготу. Но кто забыл, что он первый и лучший кузнец в округе?.. Кто имеет такой почет, как Михаил Фаддеич? Он сам себе хозяин. Мало этого, — он лучший хозяин из всех. Ни от кого ему ничего не надо.

Дом у Михаила Фаддеича хороший, скот есть свой. Зачем же ему идти в колхоз? Зачем ему пятнать свое почетное имя близостью с каким-то Серапионом и Гришкой Миколиным, которые „последний хлеб без соли доедают“?

Слова обрывались тяжелым кашлем. Михаил Фаддеич положил костлявую руку на грудь и с трудом выдавил:

— В колхоз, Вася, я не пойду, и тебе там делать нечего...

Скрипнула широкая кровать, когда он надергивал на себя одеяло.

Бабушка успокоилась. Худого ничего не произошло.

Но уже на другое утро, когда сын ушел на работу, Михаил Фаддеич неожиданно разгорячился.

— Вон отсюда!.. Все, вон!.. Никого не надо! Никуда я не пойду!.. С кем он хочет жить? С Сарапком? С Гришкой? С бобылями?..

Старик брызгал слюной и шипел, словно в печке сплеснули воду из чугуна.

Василий не слушал отца — записался в колхоз.

Старик закричал тогда:

— Открывай двери и переходи за стенку! Обретайся в той половине!.. Мы как-нибудь с маткой промаемся. Бог выручит.

Райку не останавливайте: пусть и у нас бегают. Мала еще. Так они и жили под одной крышей, но отгороженные стеной друг от друга.

Василий кончил тракторные курсы, привез из города трактор и теперь — тракторист.

3

У трактора сломалась заводная ручка.

Василий вошел в избу и сел на лавку недалеко от кровати больного отца. Он знал, что в деревне, кроме него, нет кузнеца, который бы сумел исправить поломку или сделать новый ключ, и что все-таки придется просить упрямого старика помочь молодой артели.

Поля не ждут. Их нужно быстро вспахать и засеять. Времени терять нельзя. Вчера выехали на свои полосы последние единоличники. Солнце парит землю, тянет из нее живительную влагу. Опоздай с пахотой — не сохранишь воду в земле, и урожай на широких загонах колхоза будет хуже, чем на ленточных полосках единоличников. Ни от колхоза, ни от машины не выйдет ни показа, ни толку.

Василий оперся рукой о подоконник, смотрел на улицу и молчал. Потом бисто повернулся и, глядя не на отца, а на хомут, висевший над его кроватью, заговорил как бы сам с собой:

— Пахота остановится — всем нехорошо будет... Никто от этого не выиграет... Ключ надо бы сковать...

Михаил Фаддеич словно знал, о чем идет речь. Он не удивился ни тихому придушенному голосу сына, ни этому непонятному осторожному вступлению.

— Какой ключ? — спросил он хмуро.

— Трактор встал — вот какой ключ. Заводить нечем... Свернул все...

— Ну, я-то уж вам не кузнец, — буркнул старик.

И в нем внезапно вспыхнула злость:

— Иди сам! Кузница не закрыта... Делай, учись! Говорил я тебе и раньше: учись!.. За большой нуждой за реку не ездят, на своем берегу надо место найти... Охо-хо, господи, помилуй!

И дедушка плотней прикрылся одеялом.

Василий понял, что со стариком больше говорить не о чем. Высунулся в окно. Недалеко от дома работал на колхозной стройке председатель колхоза. Василий крикнул ему:

— Сарап, трактор не работает!..

Серапион Горчаков вошел в избу к Василию. Еще не приотворив двери, он торопливо заговорил:

— Что такое. Испортил чего?

— А ключ... Втулка у ключа... Бородка или как там... не держала.

Серапион повернулся к кровати.

— Михаил Фаддеич! Как ты? Не сможешь? Или худ стал? Никто не ответил.

— Знаешь что, Василий, — Серапион запнулся на слове, — Михайлович. Бежи-ка ты к Миколу Болтуну, зови его, он твой мастер... Тащи, заплатим!

Николай Петрович, по прозвищу Болтун, жег в горне сталь до вечера, но сделать ничего не смог, только испортил обломки ключа. В этом деле нужны такие разные инструменты... Тонкая работа.. Тут необходимо в нутре править, — оправдывался он.

Трактор стоял весь день.

Вечером собрались всем правлением у Василия в старой половине дома Михаила Фаддеича.

Артельщики расселись по лавкам. Василий выложил на стол папку с протоколами заседаний правления.

Серапион сбросил шапку, очинил желтый карандаш и, понурившись, спросил:

— Ну, все знают? — Поднял маленькую колючую бородку и такие же колючие глаза.

— Чули... Да чего чули?.. Видели. Поле-то наше не подалось сегодня ни в которую сторону... Знать, как не знать, а вот что делать, ты скажи?

Серапион не вопросов ждал, а совета. Он вопросительно поглядел на каждого, но ни в ком ответа не нашел.

— Тут ничего не поделаешь, ребята, — развел он руками: — мастеровых в окрестностях нет. Надо идти просить старика Михайла.. Поможет он нам, поможем и мы ему...

— Я просил — отказывается, — незаметно вставил Василий

— Тебя он не уважает, а вот мы сходим...

— Вас, думаешь, уважит?..

Все одобрили Серапиона, но кто-то подал и свой совет:

— Перво-на-перво давайте установим, чтобы завтра утром всем коням выйти в поле. Не мытьем, так катаньем, а свое надо брать. Пусть на лошадях пашут, а той порой дело и здесь на мазь поставим.

После собрания Серапион тихо перебрался в другую половину дома и, прикрыв за собою дверь, уселся возле стола.

Михаил Фаддеич закутался в тулуп и словно готовился уходить куда-то. Держался за стул, откашливался и сплевывал в чашку с опилками. Всклооченная голова сливалась с густым овечьим мехом поднятого воротника.

— Михаил Фаддеич, — робко начал Серапион: — дело у нас к тебе суседское, общее... Сын-от будто уж и говорил, но я еще пришел... Болтун испортил только. Придется новый ковать. Оно, конечно, ты нездоров, — это верно. Но может как-нибудь и выручишь?..

„К старику пришли... Просят, — подумал Фаддеич. Значит еще нужен, значит пожалеют...“

И он ощутил прилив гордости и силы.

„Э, я еще могу сковать и не один ключ, не одну косу, я еще буду и серпы зубить... Но кому? Сарапку? Нет! Пусть поклонится не один раз. А я-то уж кланяться не буду“.

И он зло проскрипел:

— Так соседское дело, говоришь? Какие мы с вами соседи?.. Мне бы как до конца прожить, а вы... вон на машину полезли. Сына у меня взяли...

— Но, Михаил Фаддеич...

— Нет, оставьте меня!.. Я вам не мешаю. Я никому не мешаю. Я так... один проживу.

Выцветшие глаза у Михаила Фаддеича загорелись нето злобой, нето радостью. Они, маленькие, серенькие под густыми бровями, искрились и, казалось, говорили, что стоит Серапиону еще сказать несколько добрых, хороших слов, и Михаил Фаддеич обопрется на его руку и радостный пойдет потихоньку в кузницу.

Но Серапион больше ничего не хотел говорить. Он недоверчиво посмотрел на старика и, не простившись, вышел.

„Хоть и далеко, много дней пропадет, а надо в город ехать. Там сделают, выручат“.

Размышляя так на улице, Серапион никак не мог простить этого отказа старику. Подходя к дому, он развел руками и даже проговорил вслух:

— Кулак он, что ли, какой?..

4

Ночью бабушка Авдотья Павловна слышала, как за стеной на кровати ворочается ее сын, Василий.

„Уснуть, видно, не может“, сообразила она.

Бабушка хорошо знала своего „Васютку“, помнила, с каким упорством он читал „тракторные книги“, когда вступил в колхоз, помнила, как даже по ночам ему часто снились тракторы на широких полях колхоза, и он кричал так, что пробуждалась и подолгу плакала испуганная Рая.

— Заживем, Сарап!.. Зарабо-отаем!..—во весь голос разговаривал он во сне со своим председателем.

„Сегодня Васютке не уснуть“. Бабушка знала это, и она не утерпела бы и давно перешла бы к нему в избу поговорить, успокоить сына, но сегодня у нее свое большое горе: двухмесячная белоголовая телка не пришла к вечеру домой.

Где она?.. Почему она отстала от Красули? А ночь такая темная, неприветливая. Знобит от страха. Что с нею будет? А вдруг—зверь?..

Бабушка шептала, путая, молитвы и ворочалась с боку на бок на кровати.

— Батько!.. Спишь?..

Михаил Фаддеич тоже не спал. В висках остановилась тупая боль, и тяжелые молотки бухали в голове.

— Тух... Тух... Тух...

От этого голова стала горячеей, как наковальня после долгой работы на ней.

„Куют,—думал Михаил Фаддеич,—а я вот ковать не буду... И не скую“...

Обидно было, что сын бросил его, больного, и мать старости лет. „Вместе-то лучше бы прожили“...

И вдруг новая беспокойная мысль стянула, нахмурила седые брови:

„А ведь не он меня, а я его бросил, я прогнал... Может и зря может и нам со старухой нужно было с Василием вместе идти“...

Но мысль эта опроретью пронеслась мимо.

„Кто сказал, что так, как они живут, лучше?.. Ведь рыба ищет... Да... Человеку надо, где лучше. И кто видал, что они могут сделать лучше?“...

И снова закопошились, замутили сознание сомнения, страхи.

— Телка... Ах, да, белоголовая телка... Где она?.. Николае многомил... О-хо-хо, господи, господи!..

За стеной в это время вспыхнул свет.

Василий не смог успокоиться и решил встать и зажечь лампу. Вспомнилось прошлое.

Не хотел он в свое время быть кузнецом. Он только иногда помогал отцу тяжелым молотом расплющивать большие раскаленные куски железа. Был не плохим молотобойцем и только

Потом на отхожих промыслах, на заводе, на курсах по подготовке трактористов он мог овладеть и слесарным и кузнечным делом, но Василий почему-то не думал об этом.

— Зачем?.. Ежели что—дома отец сделает.

Но повернулась жизнь другой стороной, поставила стену между старым и новым, и это старое отказалось помогать, отказалось работать.

И Василий стыдился своей прошлой недогадливости, беззаботности.

„Что я думал?.. Что я делал?.. Вот сейчас нужны свои кузнецы... Не на кого надеяться: сами хозяева...“

Не усидел, повернулся, уронил стул. Пробудились жена и дочь.

— Куда я глядел, когда не поздно было?.. Нет... Еще и теперь не поздно. Надо...

— Что, что говоришь?..—приподнялась на постели жена.

— Ничего, спи! Самим кузнецами стать надо, вот что!..

5

Утром к правлению колхоза в крашеном тарантасе повезли белоголовую грязную телку.

— Телку колхозники подобрали в стороне от дороги, недалеко от скотного выгона. Она погрузла в зыбучую трясиину родника до половины живота и уже не мычала, а только изредка приподнимала голову и безнадежно поводила глазами.

Ее колхозники с трудом вытащили из болота, положили в тарантас, а сами пошли сзади.

К правлению подошли любопытные. Бабы соболезновали, а ребятинки брезгливо щупали грязный, свесившийся из корзинки хвост теленка.

— Да ведь это же Михайлова белоголовка. Старуха Авдотья все утро убивается, хныкает.

— В толпе многие уже знали о вчерашнем отказе Михаила Фаддеича помочь тракторному горю, потому, неудивительно, послышались и другие, недовольные голоса.

— Не надо бы вытаскивать... Пусть подыхает... Михайло-то как нам вчера сказал? „Сами“, говорит... Вот и они пусть сами. Нас не очень из беды другие вытаскивают.

Подошел Серапион.

— Бросьте!—крикнул он.—Не говорите, чего не надо! Ответьте телушку Авдотье!

Бабушка, как только увидела свою белоголовку, опустила с крыльца и заклакала.

— Телу-ушка!.. Милая ты моя!.. А вы-то, вы-то, люди добрые!.. Ой, какое спасибо вам!.. Батько, батько!..—закричала, она старику:—колхозники телушку привезли...

Бабушка кружилась около тарантаса, трепала телку по голове, утирала свои слезы грязным передником, много говорила, но, видимо, не знала, что делать дальше.

Тогда Петька вынул телку из корзины и поставил ее на землю. Утомившееся животное беспомощно повалилось на бок.

Бабушка запричитала и заплакала пуще прежнего, а Петька, почесав за ухом и посмотрев на свои широкие руки, резонно скомандовал:

— Открывай, бабка Авдотья, ворота во двор!

И потащил обвисшее грязное тело телушки за лебезящей старухой в хлев, на сухую, пахучую солому. Бабушка пришла в избу. Михаил Фаддеич стоял у окна и светящимися глазами смотрел на отъезжавшего колхозника Петьку Парашонка.

О чем думал старик, бабушка не знала, но она заметила и блеск его выцветших глаз, и необыкновенное оживление во всей фигуре Михаила Фаддеича. В другое время она вскрикнула бы от неожиданности, засуетилась бы, взволнованная и испуганная, увидев, что ее „отходящий на тот свет“ батько сам поднялся со своего смертного ложа, а теперь она отнеслась к этому совершенно спокойно.

Михаил Фаддеич повернулся к ней лицом, распахнул широкий овчинный тулуп, начал усиленно тереть волосатую щеку и всеми движениями будто хотел сказать:

— Видишь, стою... И стоять буду. А ты думала, как?..

Бабушка настороженно, словно ожидая чего-то необычайного, спросила:

— Ты что?

— Так... Позови Василья! Скажи—надо.

И Михаил Фаддеич опустил на скамью. Он не глядел на вошедшего сына и, как бы смущаясь, попросил:

— Покажи-ка, что у тебя застопорилось?..

Повертел в руках обломки тракторного ключа и коротко приказал:

— Пойдем!

Василий помог ему переодеться и под руку вывел из комнаты.

В кузнице они были недолго.

На дворе толпился народ.

Спорили. Ждали. Надеялись. Колхозники по несколько раз спрашивали друг друга об одном и том же:

— Ты думаешь как? Справится или нет?

— Кузнец Михайло? Ну, уж если этот возьмется, не подкузьмит.

У мужиков блестели глаза, когда Михаил Фаддеич, опираясь на руку Василия, осторожно ступая, подошел к Серапиону Горчакову и, казалось, в первый раз, после нескольких годов, хрипя и кашляя, выпрямился.

— Вот!—сказал он,—получай! Серапион взглянул на вспотевшее напряженно-радостное лицо старика и широко заулыбался. Взял ключ и дружески, осторожно пожал руку Михаилу Фаддеичу. Хотелось многое сказать, но к горлу подкатил клубок и глаза заискрились. Посмотрел на окружавших его колхозников и, видя, что и их давит та же радость, хлопнул слегка по плечу Михаила Фаддеича и сказал:

— Смотри, как благодарят тебя все. Был бы здоров—на руках качнули бы. Радость и облегчение ты сковал всем—вот что...

В толпе совсем заволновались.

— Как же, поклон тебе, Михаил Фаддеич!

— Спасибо, значит, большое от общества!

А одна в длинном холстяном азяме, на толстых широко расставленных ногах, торопливо разворачивая пятки, подбежала и умиленно, со слезами на глазах заговорила:

— Михайлушко! Родимец ты наш, хорошее ты дело сделал! Поцеловала-б, кабы у тебя старухи не было.

И опять замолкли. Мялся и Фаддеич, мялся и Серапион. Всем хотелось что-то сказать, но слова никак не подбирались.

И Серапион с трудом выдал:

— Вот что значит на всех поработать: не ты один, а все и радуются. От всех и спасибо, значит... Живи, Фаддеич, и здравствуй на долгие годы!

Фаддеич сморкнулся, крикнул, поднял седую голову, оглядел двор и соседей. Его глаза тоже засветились благодарностью. Никогда раньше старик не испытывал такой радости от своего дела, от своей работы. Выработывал ведь штучки не такие, а тут—маленькая ручка, пустяковый сколок стали, а на сердце так хорошо. Никогда раньше он не чувствовал такой бодрости, такого зуда в теле.

Его хозяйский глаз, будто и не кстати, заметил непорядок: на дороге у его ног лежала суковатая палка. Позабыв о боли в пояснице, он наклонился, поднял ее и откинул в сторону.

В старые времена каждая поковка давала лишь усталость и несколько монет серебра или смятую рублевую бумажку. А теперь... Но что теперь?..

Михаил Фаддеич глядел на всех искрящимися влажными глазами и шептал:

— Вам спасибо!

Голоса не было, и он повторил снова и более отчетливо:

— Спасибо, говорю, спасибо, вам самим, всем!..

Рядом стоял крепкий, мускулистый Василий и заботливо поддерживал взволновавшегося старика.

— Сын-от мой...

Хотел что-то сказать о нем, но запнулся. Глянул в теплое, ласковое лицо Василия и заговорил ему:

— Вася, ты давай, поезжай, паши! Не теряй времени!.. Земля сохнет... Сейчас заведешь—пойдет. Не медли, Вася!.. Народ изболелся... А меня уведи!..

Вечером Василий прочищал трактор, намереваясь к ночи выехать в поле. На дворе собрались веселые школьники. Прибывавшие с поля пахари спрашивали: все ли в порядке? И, получив радостный ответ, широко улыбались.

Теплый дневной ветер начинал стихать. Ночью при свете фонаря будет хорошая работа.

Трактор уже был запущен, и бодрый воодушевляющий рокот разносился по деревенской улице, когда Василию сообщили, что больному очень плохо. Василий намурился, побледнел, остановил мотор, для чего-то захватив с собою новый ключ, вошел в избу и, ни на кого не глядя, сел на крайчик кровати.

Рая была уже там. Она, казалось, больше других понимала, что дедушка умрет и никогда не будет кашлять, но, несмотря на это, была спокойна. Рая не плакала, а осторожно забралась на колени к своему отцу и смотрела ему в лицо такими глазами, как-будто хотела сказать:

— Мы-то ведь остаемся... Мы будем жить.

После того как пришел Василий, Михаил Фаддеич успел сказать несколько слов, из которых не все были даже поняты.

— Может и нам со старухой надо-б с тобой?.. А может и не надо?.. Ладно уж...

Потом, в забытьи, он долго еще, худыми посиневшими руками ползал, будто шарил, по постели. Мутные, ничего не видящие глаза бродили по комнате.

И когда в его руке очутился выпачканный в масле тракторный ключ Фаддеич как-то облегченно пошевелил губами и последний раз, навсегда выдохнул из себя тяжелый застоявшийся воздух.

Маленькая всклокоченная голова застыла в углублении широкой подушки.